K 76 2/192

ГОДЪ XXI. ЖИВАЯ СТАРИНА. 1912 г.

В 76 2/192

Н. И. Веселовскій.

ПЕРЕЖИТКИ НѢКОТОРЫХЪ ТАТАРСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ У РУССКИХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Русского Музея
№ 2779
20/IV 1937 г.
К76 2/192

Пережитки нѣкоторыхъ татарскихъ обычаевъ у русскихъ.

1. Не здороваться и не прощаться черезъ порогъ.

Широкою распространенностью пользуется у насъ, по преимуществу въ образованномъ обществѣ, старинный обычай не здороваться и не прощаться черезъ порогъ. Немного находится смѣльчаковъ, готовыхъ отвергнуть этотъ прочно укоренившійся предразсудокъ, поддерживаемый какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, очевидно имѣвшимъ нѣкогда реальное основаніе. Никто не задумывался надъ происхожденіемъ этого обычая, а потому никто не предполагалъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ татарскимъ вліяніемъ въ видѣ упорнаго пережитка.

Обыкновенно думаютъ, что здороваться или прощаться черезъ порогъ опасно потому, что это можетъ вызвать ссору или какія-либо непріятности между тѣми лицами, которыя такъ неосторожно поступаютъ.

Въ Словарѣ Даля подъ словомъ «порогъ» читаемъ между прочимъ:

Черезъ порогъ не здороваются. Черезъ порогъ руки не подаютъ. Въ притолоку молитву задѣлываютъ, подъ порогъ заговоры кладутъ. На порогѣ не стоятъ. Купцы на порогѣ въ лавкѣ не стоятъ (покупателей отгонишь). Черезъ порогъ ничего не принимать — будетъ ссора.

Въ этомъ перечнѣ мною приведены тѣ только изрѣченія, въ которыхъ порогъ представляетъ угрозу, и опущены всѣ другія съ инымъ значеніемъ, какъ то: безъ Бога — ни до порога, или: смерть у порога (т. е. близко).

Ясно, что толкованіе здѣсь натянутое, что первоначальный смыслъ обычая утраченъ, и этотъ смыслъ лежитъ гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ.

Если мы обратимся къ первымъ временамъ господства монголовъ и татаръ, то увидимъ, что у этихъ народовъ порогъ жилища, т. е. юрты, имѣлъ особенное, какое-то мистическое значеніе: ступать на порогъ не дозволялось безнаказанно никому ни въ какомъ случаѣ, даже нечаянно; а за нарушеніе неприкосновенности порога хан-

скаго шатра полагалась смертная казнь. Требованіе не ступать на порогъ жилища хана неукоснительно предъявлялось въ Ордѣ всѣмъ чужеземнымъ посламъ и другимъ лицамъ передъ тѣмъ, какъ идти на аудіенцію къ хану. Нѣкоторые изъ посланниковъ отмѣтили это необычное требованіе; но очень жаль, что никто изъ нихъ своевременно не попытался доискаться его причины, которая, по всей вѣроятности, тогда была извѣстна татарамъ.

Раньше другихъ сообщили о порогѣ послы-монахи, Плано Карпини и Вильгельмъ Рубрукъ. Первый въ своемъ отчетѣ о пребываніи у монголовъ говоритъ о порогѣ четыре раза. Прежде всего онъ коснулся порога при общемъ перечисленіи проступковъ, за которые у татаръ полагалась смертная казнь, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «точно также, если кто наступаетъ на порогъ ставки какого нибудь вождя, то его умерщвляютъ точно такимъ же образомъ», какъ и подавившагося при ѣдѣ кускомъ мяса, а именно: подъ ставкой дѣлаютъ отверстіе, вытаскиваютъ виновнаго черезъ это отверстіе и убиваютъ [1]). Во второй разъ Плано Карпини упоминаетъ о порогѣ при представленіи пословъ Коренцѣ: «взявъ дары они (татары) повели насъ къ ордѣ, или палаткѣ его, и научили насъ, чтобы мы трижды преклонили лѣвое колѣно предъ входомъ въ ставку и бережно остерегались ступить ногой на порогъ входной двери. Мы тщательно исполнили это, такъ какъ смертный приговоръ грозитъ тѣмъ, кто съ умысломъ попираетъ порогъ ставки какого-нибудь вождя» [2]). Въ третій разъ Плано Карпини говоритъ о порогѣ передъ аудіенціею у Батыя, когда посланнику было сдѣлано «напоминаніе о порогѣ» [3]). Наконецъ, въ четвертый разъ онъ замѣтилъ о порогѣ, когда являлся къ хану Куюку: «каждый изъ насъ четыре раза преклонилъ лѣвое колѣно, и они внушили намъ не касаться внизу порога» [4]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что Плано Карпини выдѣляетъ пороги въ жилищахъ важныхъ особъ; но само собою разумѣется, что и у простыхъ монголовъ и татаръ порогъ ихъ кибитокъ не долженъ былъ считаться вещью безразличною; только послѣдствія за потревоженіе у нихъ порога не могли идти такъ далеко, какъ у хановъ и вельможъ.

Особенно интересно свидѣтельство Вильгельма Рубрука о порогѣ, потому что у него дѣло съ порогомъ обошлось не столь благополучно, какъ у его предшественника. У Рубрука сообщается о порогѣ три раза. Во-первыхъ, когда Рубрукъ шелъ къ Сартаку, «они усердно посовѣтовали намъ остеречься при входѣ и выходѣ, чтобы не коснуться порога дома» [5]). Во-вторыхъ, при описаніи одного посѣщенія Мангу-

---

1) Плано Карпини, «Исторія Монголовъ». Перев. А. І. Малеина, С.-Пб. 1911, стр. 9.
2) Тамъ же, стр. 47.
3) Тамъ же, стр. 49.
4) Тамъ же, стр. 55.
5) Вильгельмъ де Рубрукъ, «Путешествіе въ восточныя страны». Перев. А. І. Малеина, С.-Пб., 1911. Стр. 90.

хана: «Послѣ этого мы вышли, и мой товарищъ остался сзади; и, когда мы были снаружи, онъ, готовясь выйти сзади насъ, повернулся лицомъ къ хану, кланяясь ему, а затѣмъ, слѣдуя за нами, споткнулся о порогъ дома. Въ то время какъ мы шли впереди, направляясь съ поспѣшностью къ дому сына хана, Балту, наблюдавшіе за порогомъ наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не слѣдовать за нами. Затѣмъ они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища къ Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновныхъ на смерть»... «Затѣмъ привели моего товарища, и монахъ сильно бранилъ его за то, что тотъ коснулся порога. На слѣдующій день пришелъ Булгай, бывшій судьей, и подробно разспросилъ, внушалъ ли намъ кто нибудь остерегаться отъ прикосновенія къ порогу. Я отвѣтилъ: «Господинъ, у насъ не было съ собою толмача; какъ могли бы мы понять?» Тогда онъ простилъ его. Послѣ того ему никогда не позволяли входить ни въ одинъ домъ хана» [1]).

Оправдываясь такъ, монахъ нѣсколько погрѣшилъ, потому что и ему самому и его спутникамъ было хорошо извѣстно запрещеніе касаться порога.

Въ-третьихъ, В. Рубрукъ, описывая свое посѣщеніе Мангу-хана на другой день послѣ Вербнаго воскресенья, прибавилъ: «товарищу моему они не позволили идти, такъ какъ онъ наступилъ на порогъ» [2]).

У Марко Поло по тексту Рамузіо, который И. П. Минаевъ признавалъ лучшимъ, относительно порога сказано слѣдующее: «У каждыхъ дверей съ обѣихъ сторонъ, или вѣрнѣе всюду, гдѣ великій ханъ можетъ быть, стоятъ два большихъ человѣка, словно гиганты, съ посохами; они наблюдаютъ, чтобы никто не наступалъ на порогъ, а перешагивалъ черезъ него..... При выходѣ же, такъ какъ многіе подпили и не могутъ остерегаться, то на это не обращаютъ вниманія» [3]).

Здѣсь интересно совпаденіе показанія Марко Поло о томъ, что при выходѣ не обращается вниманія на порогъ, съ тѣмъ случаемъ, когда одинъ изъ спутниковъ Рубрука, удаляясь изъ ханскаго дворца, нечаянно задѣлъ за порогъ и не былъ подвергнутъ наказанію. Значитъ, наступить на порогъ при входѣ въ юрту считалось у монголовъ преступленіемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ то же самое дѣяніе при выходѣ.

Эту особенность татарскаго этикета отмѣтили и арабскіе писатели, преимущественно египетскіе, такъ какъ между Египтомъ и Золотой Ордой существовали очень оживленныя дипломатическія сношенія. Ибн-Абдеззахыръ, писатель XIII в., описывая пріемъ пословъ у хана Берке, говоритъ: «никто не топчетъ ногами порога шатра его» [4]). Тоже повторилъ эль-Муфаддаль [5]).

1) Тамъ же, стр. 129 и 131.
2) Тамъ же, стр. 141.
3) Марко Поло, въ переводѣ И. П. Минаева, стр. 130.
4) В. Г. Тизенгаузенъ, «Матеріалы для исторіи Золотой Орды». С.-Пб., 1884, стр. 64.
5) Тамъ же, стр. 192.

Въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ указаній на требованіе не касаться порога; а между тѣмъ къ русскимъ князьямъ, ѣздившимъ въ Орду, и ихъ спутникамъ это требованіе должно было предъявляться всего чаще или вѣрнѣе сказать: постоянно. Съ подданными своими татары не церемонились, расправа слѣдовала быстро и безъ всякой пощады. Понятно, что страшное требованіе врѣзалось въ память нашихъ предковъ такъ прочно, что оно было усвоено ими, какъ свое родное и въ такомъ видѣ дошло до нашихъ дней.

Я не буду здѣсь останавливаться на обрядахъ, которые не совсѣмъ ясно выражены и цѣль которыхъ недостаточно истолкована. Къ числу такихъ я отношу описанный В. М. Черемшанскимъ[1]) черемисскій праздникъ Кугогече — поминовеніе умершихъ, когда черемисы приготовляютъ много кушаній; они берутъ нѣсколько большихъ чашекъ, корыто и ставятъ къ порогу, а сами садятся за столъ и начинаютъ ѣсть, пить и веселиться, между тѣмъ по краямъ пустой посуды налѣпливаютъ свѣчи и зажигаютъ, наблюдая притомъ ярко ли горятъ свѣчи, изъ чего и заключаютъ о состояніи загробной жизни своихъ умершихъ родственниковъ. Потомъ, когда свѣчи истеплятся, берутъ со стола по нѣскольку ложекъ каждаго кушанья и сливаютъ въ разставленную у порога посуду, а также бросаютъ въ нее куски хлѣба, блины и проч., — что, по просьбѣ хозяевъ, должны дѣлать даже и постороніе люди, если тутъ прилучатся, хотя бы это были русскіе, татары или другіе народы. По окончаніи этой церемоніи, разставленную у порога посуду съ яствами выносятъ на дворъ и бросаютъ собакамъ. Считаютъ за хорошій знакъ для умершихъ, когда собаки, раздѣляя добычу, грызутся между собою. Затѣмъ начинаютъ общее пированье, которое продолжается нѣсколько дней.

Въ нашей литературѣ существуетъ замѣчательный, еще недостаточно оцѣненный трудъ ламы Галсанъ-Гомбоева «О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано-Карпини»[2]), составленный съ цѣлью освѣтить данныя половины XIII столѣтія современными взглядами монголовъ на нѣкоторые обычаи ихъ. Гомбоевъ не оставилъ безъ вниманія и порогъ: «порогъ, и въ настоящее время, — замѣтилъ онъ — находится въ какомъ-то уваженіи у монголовъ. Говорятъ: не садись на порогъ, — грѣхъ! не пинай порогъ, — грѣхъ»! Если родится уродливое животное, то его разрубаютъ и зарываютъ подъ порогъ, для предотвращенія несчастій. Если кто удостоивается чести явиться передъ княземъ или какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, то говорится: «перешагнуть золотой порогъ хана или князя» и проч. Но у Монголовъ не осталось никакого преданія для объясненія этого значенія порога. Кажется, сна-

---

1) В. М. Черемшанскій, «Описаніе Оренбургской губерніи». Уфа, 1859, стр. 186—187.
2) Въ Трудахъ восточнаго отд. И. Археологическаго общества. Ч. IV, С.-Пб. 1859.

чала получилъ значеніе только порогъ хана, и уже въ послѣдствіи стали приписывать значеніе порогамъ вообще» [1]).

Итакъ, у монголовъ сохраняется, въ видѣ пережитка, уваженіе къ порогу, только смыслъ этого предразсудка утратился. Что же касается предположенія Гомбоева о томъ, что первоначально получилъ значеніе порогъ хана, то оно, конечно, не имѣетъ значенія, какъ ни на чемъ не основанное.

По поводу монгольскаго обычая зарывать подъ порогомъ уродливое животное, можно привести китайское извѣстіе о праздникахъ у Киданей: восьмого числа 8-й луны государь убиваетъ бѣлую собаку, голову которой зарывали въ 7 шагахъ отъ палатки на югъ, выставляя зубы. Черезъ 7 дней палатку ставили на томъ мѣстѣ, гдѣ была зарыта собачья голова [2]).

Если нельзя ступать на порогъ, то само собою разумѣется, невозможно и садиться на него. Дѣйствительно у восточныхъ народовъ, признающихъ первое правило, соблюдается равнымъ образомъ и второе. Воейковъ, писавшій о калмыкахъ, сообщилъ, что «у калмыковъ сѣсть на порогъ почитается за ужасное беззаконіе» [3]).

Что до появленія татаръ на Руси порогъ не имѣлъ значенія какого-то страшилища, это доказать нетрудно. Въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку (С.-Пб. 1872, стр. 174) подъ 1071 годомъ приведенъ слѣдующій разсказъ: В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцепѣвъ (или: оцепенѣвъ), и шибе имъ бѣсъ». Отсюда явствуетъ, что въ то время сидѣніе на порогѣ не связывалось ни съ какимъ суевѣрнымъ представленіемъ, и порогъ не содержалъ въ себѣ понятія запрета.

Почитаніе порога не есть исключительная принадлежность монголовъ, у которыхъ вообще было очень мало своего самобытнаго.

Мнѣ было извѣстно, что запрещеніе ступать на порогъ древнѣе монголовъ, что оно встрѣчается въ классической литературѣ и связано съ шаманскими вѣрованіями.

Еще В. П. Васильевъ, постоянно доказывавшій вліяніе Китая на кочевниковѣ, въ статьѣ «Современное положеніе Азіи — китайскій прогрессъ», между прочимъ, замѣтилъ: «Путешественники временъ Чингисханидовъ передаютъ какъ исключительный монгольскій обычай, чтобы вступающій въ юрту не наступалъ на порогъ.

---

1) Тамъ же, стр. 237—238.

2) В. П. Васильевъ, «Исторія и древности сѣв.-вост. части Средней Азіи» (Труды Вост. отд. И. Р. А. О., т. IV, стр. 191).

3) Воейковъ, «Описаніе Калмыцкаго народа» (Сынъ Отечества, 1822 г., № VI, стр. 249).

А между тѣмъ это предписаніе встрѣчается въ самыхъ древнихъ китайскихъ книгахъ» [1]).

Поэтому я обратился къ нашему китаисту А. И. Иванову, который, какъ я зналъ, тоже интересовался этимъ вопросомъ, собрать о немъ свѣдѣнія въ китайской литературѣ. А. И. Ивановъ съ рѣдкою готовностью подѣлился со мною своими свѣдѣніями и сообщилъ мнѣ, что въ сочиненіи Лунъ-юй есть выраженіе: «Онъ не становился на порогъ» (X,4), а въ Цзо-чжуань сказано: «Женщины, провожая и встрѣчая, не выходятъ изъ воротъ, не наступаютъ на порогъ при встрѣчѣ съ братьями». Объясненіе такому запрету А. И. Ивановъ получилъ отъ самихъ китайцевъ и оно состоитъ въ слѣдующемъ. Порогъ считается мѣстопребываніемъ бога Ту-шэнь, бога земли, вслѣдствіе чего стояніе на порогѣ является оскорбленіемъ божества и сулитъ бѣдствіями дому. Ту-шэнь охраняетъ домъ отъ вторженія злыхъ духовъ, приносящихъ болѣзни и бѣдствія. Для того, чтобы умилостивить божество и расположить въ пользу обитателей дома, закапываютъ при постройкѣ глиняную чашку съ жертвой божеству, при чемъ на днѣ чашки пишется знакъ *фу* — счастье [2]).

Итакъ, по китайскимъ воззрѣніямъ, съ порогомъ соединяется понятіе о счастіи обитателей дома, въ очень широкомъ смыслѣ, а именно: о здоровьи и всякомъ благополучіи.

Теперь приведу объясненіе изъ другого источника. Давно интересуясь вопросомъ о значеніи порога и не находя ему разъясненія въ доступной мнѣ литературѣ, я не упускалъ случая обращаться къ опросу тѣхъ инородцевъ, у которыхъ запрещеніе ступать на порогъ существовало въ древности, а отчасти существуетъ и въ настоящее время.

По сообщенію, сдѣланному мнѣ киргизъ-казакомъ Перовскаго уѣзда Серъ-Али

---

1) См. Отчетъ по С.-Петербургскому университету за 1882 годъ. Актовая рѣчь проф. Васильева, стр. 5.

2) О человѣческихъ жертвахъ духу земли при заложеніи города я здѣсь касаться не буду, чтобы не уклоняться въ сторону отъ прямой задачи настоящаго изслѣдованія, но приведу одно преданіе о построеніи Новой Казани, потому что тамъ сообщается интересная подробность. Преданіе впервые было записано академикомъ Георги (Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1772, 1773 und 1774. S.-Petersb., 1775. II Band. S. 811—813) и обслѣдовано С. М. Шпилевскимъ (Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань, 1877, стр. 69 и слѣд.). Казанскій ханъ Али-бей, узнавъ, какъ трудно жителямъ старой Казани ходить за водой, послалъ своего наслѣдника съ двумя вельможами и съ 100 воиновъ къ устью Казанки отыскать лучшее мѣсто, и какъ они объ этомъ согласятся, раскрыть его запечатанное повелѣніе. Они выбрали мѣсто нынѣшней Казани. Въ ханскомъ приказаніи значилось, чтобы одинъ изъ трехъ посланныхъ, на котораго падетъ жребій, былъ зарытъ живымъ на выбранномъ мѣстѣ. Жребій палъ на наслѣдника хана; но его скрыли и вмѣсто его зарыли собаку (построеніе Новой Казани относятъ къ 804 году гиджры (1402 по Р. Х.). Здѣсь сообщается, что вмѣсто человѣка принесено въ жертву животное, въ чемъ нельзя не видѣть аналогіи съ монгольскимъ обычаемъ, описаннымъ Галсанъ Гомбоевымъ и подобнымъ же у Киданей.

Лапинымъ, у его соотечественниковъ и теперь удерживается запретъ задѣвать порогъ ногами, и они даютъ объясненіе этому запрету. По ихъ представленію счастье и благополучіе направляются въ юрту, какъ рѣка течетъ по руслу, и черезъ порогъ вливаются въ жилище. Потревоживъ порогъ, можно перебить, прервать русло, и счастье потечетъ мимо юрты. Г. Лапинъ привелъ мнѣ еще одну интересную подробность: старая злая киргизъ-казачка, не имѣющая возможности по безсилію отплатить за причиненную ей дома обиду, чтобы досадить обидчикамъ начинаетъ топтаться на порогѣ юрты, за что подвергается тяжкимъ побоямъ.

Это толкованіе раскрываетъ намъ смыслъ требованія татаръ всячески остерегаться наступать на порогъ, что одинаково относится, какъ къ жилищу хана, такъ и къ жилищамъ его подданныхъ, только зло, причиняемое хану наказывалось высшею мѣрою наказанія, а простолюдинъ, самъ ограждавшій свой порогъ, не всегда имѣлъ возможность оградить свое право на счастіе. И такъ, мы видимъ, что съ порогомъ связано представленіе о счастіи, и этимъ оправдывается выраженіе: прибѣгнуть къ *счастливому* порогу.

Если мы сопоставимъ оба толкованія, китайское и киргизъ-казацкое, то получимъ очень ясное понятіе о значеніи порога. Черезъ него вливается счастье въ жилище. Любопытно, что въ древности у китайцевъ слово порогъ 閾 *юй* состояло изъ двухъ соединенныхъ знаковъ: изъ *мынь* 門 «дверь» и *хо* 或 «оросительный каналъ», т. е. и у нихъ какъ будто существовало представленіе о потокѣ счастія, вливавшемся въ дверь.

Кажется, у монголовъ утратилось вѣрованіе въ обитаніе на порогѣ благодѣтельнаго духа, такъ какъ они не одинаково смотрѣли на задѣваніе порога ногою при входѣ и при выходѣ изъ юрты; но, принимая во вниманіе основное положеніе шаманства, что духи обрѣтаются повсюду, мы должны признать, что китайское объясненіе сохранило именно первоначальный смыслъ. На сколько легко забываются причины даннаго обычая, можно видѣть изъ слѣдующаго: Н. Н. Кротковъ, бывшій консулъ въ Урумчи, имѣвшій возможность наблюдать почитаніе порога мѣстнымъ населеніемъ, спрашивалъ у таранчей, почему они не наступаютъ на порогъ? Тѣ отвѣчали: «шайтанъ этого не любитъ». Этотъ отвѣтъ показываетъ, что таранчи забыли смыслъ обычая, который продолжаютъ соблюдать, не смотря на принятіе ими мусульманства. Подъ шайтаномъ мусульмане разумѣютъ *злого* духа, не имѣющаго никакого отношенія къ порогу, который служитъ обиталищемъ *доброму* духу.

Въ виду того, что счастье вливается въ юрту рѣкою, отсюда, можетъ быть, не трудно объяснить, почему задѣваніе порога извнутри юрты не столь опасно, какъ задѣваніе снаружи. По представленію шаманистовъ очевидно, что въ первомъ случаѣ вредъ слабѣе, чѣмъ во второмъ, такъ какъ счастье уже направилось въ юрту; во второмъ же оно можетъ совсѣмъ миновать ее.

Понятію о неприкосновенности порога противорѣчитъ, повидимому, одинъ обычай, соблюдаемый при свадебныхъ обрядахъ у киргизъ-казаковъ. Этотъ обычай описанъ И. И. Ибрагимовымъ и состоитъ въ слѣдующемъ: когда жениха ведутъ къ его невѣстѣ въ кибитку ея отца, что называется *бусага-аттасу* (перешагнуть порогъ) или *исык-ачу* (открыть дверь), то передъ дверью дѣлаютъ различныя препятствія, для устраненія которыхъ женихъ долженъ давать подарки. Бросаютъ баканъ, черезъ который не дозволяется перешагнуть; бросаютъ джеле (арканъ для привязыванія жеребятъ во время дойки кобылъ), и «наконецъ женихъ въ послѣдній разъ даетъ подарокъ старухѣ, лежащей на порогѣ кибитки; эта старуха называется *кемпыр-ульды* (старуха умерла); такъ какъ черезъ мертвое тѣло нельзя перешагнуть, то женихъ долженъ подаркомъ заставить встать старуху» [1]).

Въ виду того, что лежаніе старухи на порогѣ противорѣчитъ всему, намъ извѣстному о порогѣ у тѣхъ же кочевниковъ, невольно возникаетъ вопросъ о томъ, вполнѣ ли точно передалъ Ибрагимовъ вышеприведенную подробность? Не слѣдуетъ ли предположить, что старуха лежитъ не *на* порогѣ, а *передъ* порогомъ? На такую поправку даетъ, кажется, основаніе и вся обстановка обряда: по устраненіи всѣхъ препятствій женихъ долженъ самъ открыть себѣ дверь въ кибитку. Пусть эта дверь будетъ сдѣлана изъ куска войлока или камышевой плетенки, все же трудно допустить, чтобы при закрытой двери можно старухѣ лежать на порогѣ и быть видимой жениху, и чтобы съ этой старухой было удобно переговариваться, не открывъ еще двери. Мое предположеніе находитъ, кажется, поддержку въ статьѣ «Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1878 г., т. 137). Авторъ статьи, г. П., описывая свадебные обряды названныхъ киргизъ, приводитъ тѣ же подробности, которыя изложилъ и Ибрагимовъ. Жениху, идущему къ невѣстѣ, кидаютъ на дорогѣ баканъ; затѣмъ лежащая на землѣ женщина изображаетъ ворчащую собаку; наконецъ, у дверей юрты невѣсты женщина преграждаетъ путь жениху; за данный подарокъ она отстраняется (стр. 35—36). Здѣсь не говорится, что женщина лежитъ на порогѣ, но и умершею она не названа. Умершая женщина — «старуха умерла» — является въ этой статьѣ не послѣднимъ, а первымъ препятствіемъ, раньше бакана. Повидимому, «умершая старуха» поставлена въ этомъ разсказѣ не на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ описанный здѣсь обрядъ оказывается не совсѣмъ яснымъ и требуетъ дальнѣйшаго разслѣдованія; но порогъ въ этомъ случаѣ остается свободнымъ, что для меня особенно важно.

Мнѣ кажется, что можно объяснить и другой обычай, связанный съ порогомъ, а именно: прибиваніе лошадиной желѣзной подковы у порога.

Если мы обратимъ вниманіе на замѣчаніе ламы Гомбоева, что родившееся

1) И. И. Ибрагимовъ, «Этнографическіе очерки киргизскаго народа» (Русскій Туркестанъ, Москва 1872 г., в. II, стр. 137—8).

уродливое животное разрубаютъ и зарываютъ подъ порогъ, то должны будемъ признать въ данномъ случаѣ вліяніе шаманства, которое, съ одной стороны, преисполнено страхомъ передъ злою силою враждебныхъ дýховъ, а съ другой — сложной системой борьбы съ ними. Гдѣ существуетъ добро, тамъ присутствуетъ и зло. Если въ юрту вливается счастье, то также можетъ вливаться въ нее и несчастье; вотъ противъ этого вреднаго начала и надо принять предупредительныя мѣры. Всѣ они имѣютъ цѣлью устрашить злыхъ духовъ, которые и являются причиною всѣхъ бѣдъ человѣка. Надо сдѣлать порогъ для этихъ духовъ недоступнымъ, что достигалось, повидимому, зарываніемъ уродливаго животнаго подъ порогомъ. Прямого указанія на такое значеніе обряда я найти не могъ и далъ ему объясненіе, основываясь на шаманскихъ вѣрованіяхъ вообще. Переходя теперь къ подковѣ, я могу утверждать это положеніе уже рѣшительнѣе. Злые дýхи боятся металловъ, въ особенности желѣза, поэтому шаманъ обвѣшиваетъ свой плащъ значительнымъ количествомъ желѣзныхъ и мѣдныхъ побрякушекъ; по той же причинѣ онъ, во время мучительныхъ и продолжительныхъ рóдовъ, бѣгаетъ вокругъ роженицы съ обнаженною саблею въ рукѣ, думая этимъ устрашить злого духа, который вселился въ больную. Или втыкаютъ въ землю саблю съ остріемъ къ изголовью больной съ цѣлію напугать злыхъ духовъ[1]). У минусинскихъ татаръ, когда берутъ ребенка изъ люльки, то кладутъ туда желѣзныя ножницы, конечно, для того, чтобы злой духъ не поселился въ люлькѣ.

Заслуживаетъ вниманія также и то, что у порога прибивается не первый попавшійся кусокъ желѣза, а желѣзо отъ лошади — подкова. Лошадь въ шаманствѣ имѣетъ, не въ примѣръ другимъ домашнимъ животнымъ, особое значеніе. На этомъ я не буду останавливаться, отмѣчу лишь два примѣра, которые считаю наиболѣе характерными. По свидѣтельству одного изслѣдователя быта якутовъ, г. Д — ва, когда якутъ ломаетъ комелекъ, предметъ по древнимъ вѣрованіямъ священный, то надѣваетъ на руки пустыя копыта лошади и говоритъ: «не я тебя ломаю, а лошадь ломаетъ». Такимъ образомъ мы входимъ здѣсь въ область шаманскаго культа.

Другой примѣръ можетъ служить подтвержденіемъ этого положенія:

У туземцевъ сѣвернаго Кавказа почти всегда можно видѣть у засѣяннаго поля лошадиный черепъ, водруженный на длинномъ колѣ, причемъ сами они видятъ въ этомъ предохранительное средство отъ вредныхъ насѣкомыхъ и вообще отъ всякаго несчастія по отношенію къ урожаю. Этому языческому установленію, не имѣющему оправданія ни въ мусульманствѣ, ни тѣмъ болѣе въ христіанствѣ, стали подражать и русскіе сосѣди адыгейцевъ. По свидѣтельству Георги, Башкиры привѣшиваютъ къ дереву, гдѣ держатъ пчелъ, конскую голову для отвращенія волшебныхъ оговоровъ[2]).

---

1) Ибрагимовъ, стр. 129.

2) Георги, «Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитаемыхъ народовъ». С.-Пб. 1776, ч. II, стр. 102.

Въ своемъ изложеніи, какъ видятъ читатели, я вовсе не обращался къ западной литературѣ о порогѣ, которая для моей цѣли оказалась мало пригодной. Все, что я могъ извлечь оттуда, заключается въ указаніи, что порогъ есть мѣстопребываніе духа дома или семьи, или божества порога. Для желающихъ укажу на сочиненіе Arnold van Gennep «Les rites de passage» (Paris, 1909), гдѣ сдѣланъ сводъ трудамъ по этому вопросу. Между прочимъ тамъ не совсѣмъ точно переданъ одинъ нашъ обычай: «Quelquefois la valeur sacrée du seuil se retrouve dans tous les seuils de la maison: j'ai vu en Russie des maisons sur le seuil de chaque chambre (въ этомъ случаѣ нашъ авторъ ошибается: желѣзо прибивается только у порога наружной двери) desquelles était cloué un de ces petits fers à cheval qui protègent le talon des bottes: or, dans ces maisons, chaque chambre avait son icône (p. 33).

А общій выводъ изложенъ такъ: «En tout cas, pour comprendre les rites relatifs au seuil, il convient de se rappeler que le seuil n'est qu'un élément de la porte, et que la plupart de ces rites doivent être pris au sens direct et matériel de rites d'entrée, d'attente et de sortie, c'est-à-dire de rites de passage» (p. 33).

2. Обычай „качать".

Я не обладаю такимъ количествомъ данныхъ, чтобы объяснить татарскимъ вліяніемъ извѣстный у насъ обычай качать на рукахъ чествуемое лицо, подбрасывая его вверхъ; но, по аналогіи съ другими явленіями нашей старины монгольскаго періода, готовъ видѣть и въ данномъ случаѣ подражаніе татарскому церемоніалу при избраніи хана на царство.

Церемоніалъ этотъ намъ хорошо извѣстенъ и состоялъ онъ въ томъ, что царевича вмѣстѣ съ женою его сажали на бѣлый войлокъ, *поднимали вверхъ*, торжественно и громогласно провозглашали императоромъ и императрицею всѣхъ татаръ [1]).

Вѣроятно такъ совершался упомянутый обрядъ, соотвѣтствовавшій европейскому коронованію, въ Золотой Ордѣ, гдѣ съ нимъ должны были хорошо ознакомиться наши предки, независимо отъ поѣздокъ русскихъ великихъ князей въ Монголію. Въ Бухарскомъ ханствѣ, входившемъ въ составъ улуса Джагатая, этотъ обрядъ сохранился до послѣдняго времени; нѣтъ поэтому основанія думать, что въ улусѣ Джучія онъ не существовалъ, и ханы возводились на престолъ инымъ способомъ. Отсюда выраженіе: *хан кютермяк*, т. е. «поднять хана» [2]).

Особенно интересно избраніе на ханство Аблая киргизъ-казаками около 1770 года: «Разостланы были ковры и войлоки, на коихъ сѣли вокругъ всѣ присутство-

1) Изъ Сборника Викентія Бовезскаго. (См. Д. И. Языковъ, Собраніе путешествій къ Татарамъ. С.-Пб. 1825, стр. 41).

2) Извѣстія общ. Археологіи и Этногр. при И. Казан. унив. т. XII, стр. 374—380.

вавшіе въ три и четыре ряда, по старшинству и достоинству, и когда по серединѣ сего собранія занялъ свое мѣсто, на подложенномъ тонкомъ бѣломъ войлокѣ самъ Аблай, то всѣ осыпали его похвалами за храбрость и проворство и пересказывали объ одержанныхъ имъ побѣдахъ надъ киргизами другихъ ордъ и калмыками.... По объявленіи Аблаю приговора о выборѣ его въ ханы, четверо изъ знатнѣйшихъ старшинъ встали съ мѣстъ своихъ, и поднявъ его на свои головы, опустили на прежнее мѣсто. Сему примѣру послѣдовали всѣ бывшіе въ собраніи; наконецъ, снявъ съ него богатое платье, изорвали на маленькіе лоскутки и раздѣлили оные между собою.... Въ заключеніе подали на большихъ оловянныхъ блюдахъ вареное, мелко изрубленное мясо, коего по горсти клалъ самъ Албай каждому въ ротъ; потомъ подчивали всѣхъ кумысомъ» [1]).

Про избраніе хановъ у киргизъ казаковъ А. К. Гейнсъ сообщилъ, путемъ распросовъ, слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся ко времени русской власти въ степи: «Какъ только опредѣлялось, кому быть ханомъ, то всѣ присутствующіе въ совѣтѣ вставали и новаго хана подымали на бѣломъ войлокѣ, а стоящая въ отдаленіи толпа, замѣтивъ это, пускалась во весь духъ верхами и также устремлялась носить или, лучше сказать, качать и таскать новаго хана. Шумъ и смятеніе дѣлались всеобщими, а войлокъ, на которомъ подымался ханъ, вскорѣ исчезалъ, разорванный на мелкіе кусочки, такъ какъ каждый изъ присутствующихъ старался достать хотя незначительный лоскутокъ, чтобы возвратясь домой, засвидѣтельствовать свое участіе въ выборѣ хана» [2]).

В. П. Сальковъ, авторъ книжки «Андижанское возстаніе въ 1898 году» (Казань, 1901), пробывшій въ Ферганской области десять лѣтъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: «въ прежнее время, здѣсь въ Ошѣ существовалъ слѣдующій обычай, свято въ свое время исполняемый: каждый ханъ, при восшествіи своемъ на престолъ въ виду всего собравшагося народа, на бѣломъ войлокѣ поднимался къ верху, при этомъ онъ долженъ пустить по стрѣлѣ во всѣ четыре стороны свѣта, въ знакъ того, что онъ будетъ обладателемъ всего видимаго міра» (стр. 8). О какихъ ханахъ въ Ошѣ говоритъ г. Сальковъ, я не знаю, равнымъ образомъ мнѣ неизвѣстна и подробность о стрѣлѣ, — послѣднее сообщеніе я считаю пока недоразумѣніемъ; но, какъ видно, обрядъ воцаренія хановъ поднятіемъ на войлокѣ пользуется въ Средней Азіи широкимъ распространеніемъ.

Русскіе цари поддерживали этотъ обрядъ у себя дома. Въ царствованіе Бориса Годунова, по его указу и въ присутствіи сына боярскаго былъ возведенъ на ханство такимъ образомъ Уразъ Мухаммедъ въ 1600 году: четыре человѣка, взявшись за

---

1) Сибирскій Вѣстникъ, ч. IX, стр. 117—118. Ср. также у Левшина, «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей», С.-Пб. 1832, ч. III, стр. 126—128.

2) Собраніе литературныхъ трудовъ А. К. Гейнса. Т. I, стр. 95.

четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана. При этомъ торжествѣ присутствовали всѣ отъ малаго до великаго, русскіе и татары[1]). И много позже, въ половинѣ XVII ст., ногайскихъ мурзъ возводили въ Астраханское княжеское достоинство при посредствѣ того же обряда. Сперва бояринъ говорилъ мурзѣ царское жалованье, затѣмъ воеводы дѣлали распоряженіе сеидамъ и всѣмъ мурзамъ поднять жалуемаго мурзу на епанчѣ или на полсти, по ихъ бусурманскому закону, передъ собою на площади[2]).

А. К. Гейнсъ, описывая обычаи и обряды киргизъ-казаковъ, сообщаетъ, что по утру, въ опредѣленный для свадьбы день, невѣсту, сидящую на коврѣ, носятъ по всему аулу прощаться съ подругами[3]).

Выходитъ, слѣдовательно, что и послѣ татарскаго владычества русскіе люди могли постоянно и долго наблюдать этотъ обрядъ въ разныхъ мѣстахъ и, по свойственной человѣческой натурѣ подражательности, могли усвоить татарскій церемоніалъ и примѣнить въ своемъ обиходѣ. Если мы признаемъ подобную зависимость, то разгадаемъ смыслъ и нашего обычая.

Не лишне замѣтить, что сами монголы забыли свой древній обрядъ и при избраніи на ханство въ Монголіи 16 декабря 1911 г. ургинскаго Чжибцзун-дамба-хутухты не было церемоніи вознесенія его на войлокѣ.

Н. Веселовскій.

---

1) В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Ч. II, С.-Пб., 1884, стр. 402, 403, 450.

2) Собраніе госуд. грам. и договоровъ. Ч. III, № 144.

3) «Собраніе литературныхъ трудовъ». Т. I, С.-Пб. 1897, стр. 90.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.